

ND

СТЕЙНАР БРАГИ

КАТА

Москва
2021

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(4Исл)-44
Б87

Steinar Bragi
КАТА

Copyright © Steinar Bragi 2014. Published by agreement with
Salomonsson Agency

Браги, Стейнар.

Б87 Ката / Стейнар Браги ; [перевод с английского
О. А. Маркеловой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-04-113926-1

Ката – медсестра из онкологического отделения рейкья-викской больницы и за свою жизнь видела немало боли и страданий. Но они были чужими, не ее... Что такое настоящие страдания, она поняла, когда бесследно исчезла ее дочь, а потом, год спустя, обнаружили тело девушки. Личности вероятных насильников и убийц – а их было трое – определили довольно быстро, вот только предъявить им было нечего: никаких прямых улик не осталось. И тогда стоящая на грани отчаяния и безумия Ката решила, что нет смысла ждать возмездия со стороны Бога или государства. Что именно она – карающий меч правосудия...

Наш мир жесток и опасен. Но нет ничего и никого опаснее женщины, которую вынудили защищаться...

УДК 821.113.3-312.4
ББК 84(4Исл)-44

ISBN 978-5-04-113926-1

© Маркелова О.А., перевод на русский язык,
2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

В тот день, когда пропала Вала, небо было ясным. Я пришла с работы поздно днем; у нас в больнице все вроде бы шло своим чередом, ничего особенного я не запомнила, только вот это: небо было таким пронзительно-синим и бездонным, что казалось: стоит мне сделать неосторожный шаг — например, споткнуться, — и я улечу прямо в небеса.

Хотя, наверное, это я только потом так подумала.

Когда я вошла в прихожую, то услышала голос Вальы на втором этаже и крикнула ей: «Я пришла!» Она не отвечала. Я включила радио и перекусила, как у меня заведено. А после этого поднялась на верхний этаж — и тут все изменилось. Я услышала, как Вала плачет в своей комнате, постучалась и вошла. Она недавно вышла из душа и лежала на животе, подпоясанная полотенцем, — и плакала. Но в ее плаче не было ничего показного: она рыдала горько, беззащитно. Я села рядом и спросила, что случилось; но от нее не удалось добиться ни ответа, ни даже взгляда, — пока я не сказала, что позвоню пастору Видиру. Тогда она заявила, что сегодня вечером в школе танцы, на которые должны прийти все, и какие-то одноклассники тянут ее туда с собой.

Раньше Вала ни про какие подобные мероприятия не говорила, но мне показалось логичным и естественным, что она идет на танцы, которые устраивают после сдачи экзаменов осеннего семестра. Я знала, что многие ко-

со смотрят на нее из-за того, что она служит в церкви, и в школе ее дразнят — хотя и не сильнее, чем можно ожидать в наше время. Некоторые одноклассники прозвали ее «Исусочка» — об этом я прочитала позже в материалах дела. Сама Вала никогда об этом не рассказывала; у меня сложилось впечатление, что в школе она хорошо вписалась в коллектив, хотя друзей у нее было не так чтобы очень много, — так что я подбодрила ее: «Давай, сходи на танцы, повеселись».

«Я так боюсь!» — ответила Вала. Она сама не знала, отчего, но у нее в животе были колики, словно она чуяла близкую беду. Тут Вала снова принялась плакать, пока я не сказала ей, что раз уж ей так плохо, она может остаться дома, ведь никто ее туда не гонит, — но она ответила, что непременно должна пойти.

Потом я лучше поняла, отчего Вала так нервничала. По свидетельству одноклассников, впоследствии опрошенных полицией, а также как следовало из ее переписки с Батори, она была влюблена в одного парня, который должен был прийти и на танцы, и на вечернику перед ними, и, без сомнения, как раз это сильнее всего и повлияло на ее решение пойти. И советы Батори тоже.

Где-то в половине седьмого Вала спустилась на нижний этаж, накрашенная, одетая в черное платье до колен, приталенное и слегка декольтированное — но не настолько, чтобы считаться нескромным. Волосы у нее были красивые, уложенные, выглядела она шикарно, и я сказала ей об этом, а еще, кажется, что-то насчет того, что на танцполе у нее от поклонников отбоя не будет. Она ответила, что еще не решила, точно ли пойдет, накинула на плечи плед и уселась в гостиной с ноутбуком.

Я спросила, не хочется ли ей поехать, но Вала, как я и ожидала, отказалась. Я сидела на кухне одна, ела спагетти, которые приготовила до этого, а когда закончила, Вала подошла ко мне и сказала, что наконец приняла решение: она все-таки поедет. Спросила, не подвезу ли я ее туда, где у класса проходит вечеринка перед танцами

и где собрались встретиться ребята. Я ответила: «Конечно!» По дороге на Вогар¹ Вала молчала, и я помню, что мне было не по себе: ее слова о том, что она боится, вдруг произвели на меня такое странное впечатление, и у меня закралось подозрение, что она что-то от меня скрывает. Ах, почему я тогда ни о чем не спросила!..

Мы долго кружили по Вогар: адрес вечеринки Вала была в телефон, но забыла его дома. В конце концов, мы выбрались на правильную дорогу. Я припарковала машину на темной стоянке возле таунхаусов напротив Колледжа у Пролива. И тут снова почувствовала, как меня охватывает этот страх — сильнее, чем прежде. Помню, как смотрела на Валу, а та не торопилась выходить из машины. Как знать, может, она все же до последней минуты колебалась...

Я больше и не помню, как она выглядит, — но помню ее профиль, когда она сидела рядом со мной в темноте: волосы вьются надо лбом, губы чуть-чуть выпячены, глаза блестят и смотрят на окрестные дома: где-то в них квартира, в которой собрались ее одноклассники.

И вот Вала вышла. Перед тем как захлопнуть за собой дверь, заглянула в машину и сказала «Спасибо» за то, что я подбросила ее. Мы не поцеловались на прощание, у нас не было привычки много целоваться или трогать друг друга, разве что под Новый год и Рождество. Вала сказала, что до полуночи вернется, — и попрощалась, а я видела по ней, что она решила поторопиться, пока не передумала.

А что было дальше, мне рассказали в полиции. Сперва, после того как Вала пропала, мне казалось: я могу найти ее, вчитываясь в материалы дела, словно они — ребус, у которого есть ответ. Я так часто читала их, все эти показания свидетелей в алфавитном порядке, кто что сказал, — и все же не вижу разгадки...

Попрощавшись со мной, Вала подошла к дому номер 33 и позвонила в дверь. Хозяин, фигурирующий в деле как «Z»,

---

¹ Район Рейкьявика.

открыл и сказал, что его удивляет появление Вала, ведь раньше она никуда с классом не ходила: ни на вечеринки, ни в боулинг, ни на танцы, ни на концерты. Z предложил Вале пива, коль скоро она ничего не принесла с собой, но та отказалась. Тогда Z спросил: «Не пьешь, что ли?» — а Вала засмузилась, стала отнекиваться, сказала, что иногда пьет, взяла у него пиво и высосала полбутылки. После этого она оживилась, перестала краснеть, смеялась, рассказывала анекдоты. По показаниям свидетеля М, который дал Вале «Баккарди бризер», когда она выпила пиво, в начале учебного года Вала, в отличие от многих, не знала никого в классе, а знакомиться с людьми ей было трудно; когда к ней обращались, она всегда стеснялась, и, судя по всему, ей не очень нравилось бывать в компаниях.

Свидетельницы Е и F показали, что звонили Вале после последнего экзамена и звали на вечеринку. До того они приглашали ее после уроков в кафе; а после этого по всему классу разнеслось, что Вала — верующая, ходит на богослужения в сектантскую общину, ездит в летний лагерь, читает Библию перед сном, собирается стать миссионером в Малайзии — и после этого ее прозвали «Исусочка». Ни Е, ни F не имели ничего против того, что Вала — верующая, и хотя она и казалась им странноватой, они совершенно искренне стремились познакомиться с ней получше, чтобы она не была в классе изгоем.

Свидетель X пришел на вечеринку с опозданием и увидел, что Вала стоит на веранде позади дома, курит, без умолку болтает и вообще выглядит странно и неприятно. Она стреляла у всех гостей на вечернике сигареты и пиво и часто смотрела на одного парня из класса — Д. Свидетель описывает его как высокого и симпатичного, утверждает, что учился он хорошо, но в школе слыл донжуаном. Пил он много, и свидетель показал, что один раз слышал, как тот утверждает, что верующие девчонки — это «секси».

Свидетель D утверждает, что пришел на вечеринку поздно и не здоровался с Валой, но заметил, что она при-

стально смотрит на него с веранды, где просидела большую часть вечера. Он признался, что иногда во время урока подмигивал ей и тайком подшучивал над ней, но потом ему было за это стыдно. После одного экзамена незадолго до Рождества Вала и D уходили из класса одновременно, и D спросил, собирается ли она на рождественский бал, и звал ее туда. Свидетельницы E и F сказали, что в самый разгар вечеринки отвели Валу в ванную, где она воспользовалась косметикой одной из них и призналась в своем равнодушии к D, а также спросила, что они думают о его новой возлюбленной, R, которая тогда только пришла на эту вечеринку, — а они, с их слов, не стали об этом разговаривать. По дороге обратно на веранду Вала скорчила этой девушке гримасу, после чего F порекомендовала ей не злоупотреблять алкоголем, так как вечер еще только начинается.

После вечеринки Вала вместе с E, F и C поехала в такси на танцы, где танцевала много и, казалось, пребывала на танцполе в каком-то своем мире, пока D и R также не начали танцевать. Тогда Вала начала хватать незнакомых парней и танцевать с ними близко от D и R, как бы с целью заставить D обратить на нее внимание и возбудить его ревность. С одним из парней, K, она начала целоваться и, с его слов, положила его руку себе на грудь, однако K это не понравилось, и он ушел. В конце концов, R разозлилась, поскандалила с D и убежала с танцпола, а D отругал Валу за то, что та прицепилась к нему, сказал, что она ему неинтересна и что она ненормальная. После этого Вала еще немного потанцевала одна, а затем все увидели, как она нетвердым шагом выходит с танцпола и садится за пустой столик в углу. Свидетельница E поднесла ей стакан воды, который Вала полностью осушила, а потом наполнила пивом из бутылочки, захваченной с собой с вечеринки. E вернулась на танцпол, и когда она через несколько минут вновь посмотрела в угол, Вала все еще сидела там, а полчаса спустя ее там уже не было.

Оставшуюся часть вечера Валу больше никто не видел; со столов убрали стаканы, и помещение опустело. По дороге домой Е и F обсуждали, что с ней стало. Они не исключали, что она убрела куда-нибудь с танцев пьяная, и боялись, что с ней случится несчастье или даже что она сама что-нибудь сделает с собой после того, как D отчитал ее. В конце концов, они решили не волноваться: скорее всего, она уехала на такси домой, чтобы проспать.

В час ночи я встала с постели, не в силах больше ждать. Я знала, что звонить Вале бесполезно: ведь свой телефон она забыла дома. Связываться с ее одноклассниками я не спешила: мало ли, вдруг она сейчас сама вот-вот войдет в дом... Мне не хотелось, чтобы ее стали считать еще более странной — девочкой, чья ненормальная истеричная мамаша названивает людям среди ночи. Так что я вошла в ее комнату, села на кровать и стала ждать. В семь утра я все еще сидела там и ждала — и через неделю, месяц и год я все еще ждала. Но Вала так и не вернулась домой.

ПОХОРОНЫ

1

Они вдвоем сидели молча. Ката водила пальцами по столешнице, как бы разглаживая ее. Но та и без этого была ровной-ровной. Стол был сделан из тикового дерева: жесткий, тяжелый, темный, привезенный в Исландию где-то полвека назад из Бирмы роднѣй Тоумаса.

Она то и дело всматривалась в эту столешницу, но так ничего и не высмотрела. Наконец убрала руку и принялась глядеть во все глаза на Тоумаса, погрузившегося в чтение газеты «Моргюнбладид»¹. Наверное, через миг он оторвется от чтения, увидит ее напротив, заметит, как тихо в комнате, встанет и включит радио. Всё как всегда: та же тишина, та же радиостанция, та же утренняя передача...

Ночью накануне ей приснилось, что они сидят на морском дне и смотрят друг другу в глаза через стол, окруженные мраком и холодом, стискивавшими их со всех сторон; если б кто-нибудь из них открыл рот, туда натекло бы что-то, что нельзя назвать, и их захлестнуло бы. Далеко над ними слышался рокот волн, неистово бросавшихся на берег.

Раньше она никогда не видела такого: непокой природы, ее негармоничность.

---

¹ Крупнейшая центральная газета в Исландии, в которой, кроме статей, посвященных текущим событиям, публикуются новости культуры, некрологи; долгое время существовало литературное приложение. Политическая окраска этой газеты тяготеет к консервативной.

— Ничего, если я включу радио? — спросил Тоумас и встал, не дожидаясь ответа. В отличие от нее, он слушал новости по радио, смотрел их по телевизору в те редкие разы, когда бывал дома, а на работе читал Интернет-СМИ — самые опасные. В Интернете новости публиковались раньше всего и цензурировались настолько небрежно, что зрители могли узнать в них своих близких.

Ката доела бутерброд и положила свернутую салфетку на тарелку. *Как же я тебя люблю, Тоумас, ненаглядный мой... Хочу лечь в твои объятия и лежать там вечно, прорваться к тебе сквозь все, что нас разделяет...*

По пути на кухню она захватила с собой поднос для сыра, хлеб и варенье, вопросительно посмотрела на Тоумаса, а он помотал головой. Затем убрала продукты, ополоснула чашку и тарелку и засунула их в посудомоечную машину. После того как дизайнер интерьеров переделал ей нижний этаж, они больше не завтракали там — за тем высоким столом, на высоких стульях, при галогеновом свете из железных кубов на стенах и потолке. Ката уже давно собиралась что-то с этим делать — но потом все изменилось.

* * *

В половине девятого в канцелярии они вспоминали события минувшей ночи и обсуждали предстоящие задания. Ночь обошлась без происшествий, никого не перевели в другое отделение, новых больных не поступило. Женщина из «4С», Сигрид, все еще лежала в изоляции, и, согласно принятому накануне вечером решению, ее продержат там как минимум еще две недели. Ката слушала и одновременно пробежала глазами ночные отчеты и результаты анализа крови трех амбулаторных больных, собиравшихся на капельницу. У одной из них, пожилой женщины по имени Андреа, которую Ката помнила с прошлых визитов, лейкоциты были пониженные, но не настолько, чтобы прописывать ей лекарства. Новеньких среди них не было, что облегчало задачу; все три уже

были записаны на прием, каждая к своему специалисту. У молодого парня девушка записалась на прием к соцработнику при больнице и ожидалась к трем часам. Никого из больных в отделении не выписывали домой и не переводили в хоспис в Коупавог¹.

После собрания Ката поспешила заказать анализ крови для пациента, которому опять предстояло ставить капельницу, если от предыдущего курса лечения ему не станет хуже; поскольку лекарства оказывали на костный мозг подавляющее воздействие, порой случалось, что иммунная система оказывалась парализована из-за недостатка лейкоцитов, — и тогда приходилось откладывать лечение или временно класть пациента в стационар, чтобы за ним было можно наблюдать. Позвонил водитель автобуса с автовокзала и сообщил, что сейчас им привезут больного на такси — одного из пациентов, которому ставили капельницу. Ката ответила, что встретит его у входа.

Она сделала еще несколько звонков, заказала в палаты покрывала и пожаловалась, что пульт управления телевизором не работает. Затем послала свою коллегу Фьюлу в провизорскую за свежими дозами медикаментов, взяла кресло-каталку и покатила ко входу встречать Кьяртана — того, кто звонил с автовокзала. Ему было тяжело ходить. Немного подождав, увидела, как к дверям больницы подъезжает такси, помогла Кьяртану заплатить своей карточкой, вылезти из машины, подвела его к креслу-каталке и предложила сесть.

— Я сам дойду, — сказал он, помотав головой. Ката ничего не ответила, только ласково улыбнулась и подождала, пока он все же усядется.

Если ей не изменяла память, Кьяртан был фермером, с хутора где-то под Боргарнесом, держал коров, овец и экономку-португалку, которая иногда готовила маленькое экзотическое блюдо — сам Кьяртан называл его «па-

---

¹ Город-сателлит Рейкьявика.

тас», а у Каты были веские основания полагать, что речь идет о тапас. Он был неразговорчив, и в его прошлые визиты Ката заметила, что телевизор он смотрел, не двигая глазами; как будто просто пригвождал их к экрану или стене над ним, чтобы не глядеть вокруг: на лекарства, текущие в его жилы по трубкам, на других пациентов, которые то бледнели, то отекали, совсем как он сам, и сливались со стенами. После того как Ката узнала, что у него уже нет в живых ни родителей, ни братьев, а экономка мало знает по-исландски, она предложила ему записать его на консультацию к психотерапевту.

— Это как тот придурок — Вуди Аллен? — сказал тогда Кьяртан, смотря отсутствующим взглядом. При наилучшем раскладе, если придется назначить паллиативное лечение (вероятность чего постоянно возрастала), — он, может быть, перестанет робеть и разоткровенничается. Но бывали и такие пациенты, которые даже на смертном одре сдерживали слезы из опасения показаться ненормальными или еще какими-нибудь. Показать, что их переполняют *чувства*. Как будто это что-то постыдное.

Она покатила Кьяртана по наклонному коридору на второй этаж и завезла в гостиную в своем отделении.

По пути из гостиной в бедре у Каты что-то щелкнуло. Ногу пронзила колющая боль, она громко выругалась и взглянула на ничего не выражающее лицо санитарки, катившей перед собой тележку.

— Зараза, — прошипела Ката чуть тише и потеряла бедро. — Ты что, по сторонам не смотришь?

— Тот же вопрос, — надменно ответила девушка. Ее грудь была тугой, а халат расстегнут так низко, что было видно ложбинку между грудями; брови — выщипанные черные черточки, при том что сама девушка была блондинка; лицо скрыто под толстым слоем макияжа. Она и раньше обращала на себя внимание Каты — из-за того, что однажды во время воскресного дежурства от нее пахло вином. Ката тогда спросила: «Что это за деваха?» — а Инга уточнила: «Ты про эту *телку*?»; и тог-

да Ката впервые услышала, что это слово применимо не только к сельскохозяйственным животным.

Не успела она найти ответ, девушка зашагала прочь. Недолго помешкав, Ката направилась в другую сторону, вышла с территории отделения, заперлась в туалете и завопила так громко, что до конца смены у нее еще звенело в ушах.

2

По дороге домой Ката заглянула в торговый центр на площади Эйдисторг, где обычно делала покупки. В мясном отделе она долго переминалась с ноги на ногу и обсуждала с мясником самую горячую новость недели — зарплату членов комиссии в каком-то банке, но вскоре им это надоело, и они переключились на погоду: тут хотя бы было о чем поспорить.

— Подряд трех дождливых дней не бывает, — отрезал мясник, вытирая руки о передник.

— Интересная теория, — заметила Ката и усмехнулась (последнее продавцу, кажется, не понравилось). — То-то я смотрю, тучи на небе все копятя и копятя... По мне, тогда уж лучше дождь: так хотя бы честнее.

— Дождь — это хуже всего, — ответил он, помотав головой.

На носу у него были очки: маленькие, квадратные, в тонкой, почти незаметной оправе. Когда мясник глубоко задумывался или робел (это у него накладывалось одно на другое), он брался за очки средним и большим пальцами и резко сдвигал их вверх по переносице. Что-то в его движениях убеждало Катю в том, что мясник никогда их не чистит; в конце дня он оттирал руки дочиста, но на очках был многомесячный слой крови животных, и с них зараза опять переползала на пальцы — когда он глубоко задумывался — и на все, к чему он прикасался вне работы: жене, детям, внукам, зубной щетке. Если б его лицо просканировали ультрафиолетом, оно, несо-